

Четверть века назад, в мае 1979 г., разливающаяся Обь размывла яр у города Колпашево, и потрясенные горожане обнаружили, что в его толще покоятся трупы расстрелянных в конце 1930-х гг. Среди них были старики, были женщины. Песчаные недра яра сохранили их нетленными. Людям пришлось вспомнить то, что они старались забыть, то, что старательно обходилось казенной историографией брежневской эпохи “застоя”. Сталин тогда оцутимо воскресал, входил в политическую моду, вновь превращался в “наше все”.

Рядом с воспоминаниями о жутких подробностях эпохи Большого террора — “Госстраха” — встали гадкие подробности поведения власть предержащих при “развитом социализме”.

События вокруг Колпашевского Яра показали, насколько глубоко зло укоренено в нашей жизни, само словосочетание “Колпашевский яр” обрело символическое значение.

Публикуя сегодня подборку документов и свидетельств очевидцев об этих событиях (вы отметите в них характерные противоречия), мы выполняем свой долг перед всеми невинно убиенными якобы во имя т.н. “коммунизма”.

Материалы предоставлены редакцией Тамским отделением Всероссийского общества “Мемориал”. Часть из них увидит свет впервые.

КОЛПАШЕВСКИЙ ЯР

1. Черепанов Владимир Петрович, капитан теплохода ОТ-2010.

“В первых числах мая 1979 г. меня пригласили в кабинет к начальнику порта. В кабинете сидели два товарища: полковник Николай Иванович и капитан КГБ.

— Не пугайтесь,— сказал полковник. — Нас интересуют качества вашего теплохода. Можете винтами мыть берег?

Я сказал:

— Не приходилось.

Полковник:

— Нам надо этим заняться. Короче, нам надо идти в Колпашево и смыть захоронение. Из Кемерова должны доставить монитор.

11 мая мы пришли в Колпашево. За ночь решили ликвидировать это кладбище. На берегу уже был устроен забор. Вкопали мощный столб (мертвяк), за который можно было завести трос. Течение реки было сильное, нас снесло, и тросом повалило забор. На берегу изготовили новый забор из щитов. За день продумали план. Совещание проходило в ресторане “Обь”. На совещании был один в штатском из Москвы, полковник Николай Иванович, капитан, представитель горкома и еще товарищи.

На следующий день подошел теплоход ОТ-375 (капитан Мясин) и тросом

поддерживал наш теплоход перпендикулярно берегу реки (течению реки). Начали мыть. Берег сверху был засыпан известью. Берег был высокий, сверху земля была еще мерзлой, ближе к уровню воды грунт был талый. Теплоход стоял перпендикулярно берегу, с кормы зацеплен тросом за столб, врытый на берегу. Отбойной волной винтов начали мыть берег. Мыли часа два. Сначала падали кости. В срезе яра была одна яма-захоронение. Когда содержимое ямы обвалилось, проявились темные прямоугольники. Я сказал: “Будут ещё”. Николай Иванович сказал: “Будем работать”.

Трупы из ям стали падать в воду. Мерзлый верхний слой земли обваливался большими глыбами по мере размывания нижнего талого слоя грунта. Мыли с 11 по 15 мая. Было много ям. Трупы были целые, разной величины. Видел на трупах розово-белое бельё. Трупы плавали. Кагэбэшники фотографировали. За время работы на палубе никого не было. Нам запретили выходить на радиосвязь. Полковник постоянно переговаривался с берегом по очень миниатюрной (ее не было заметно) радиостанции. Кроме трупов из берега вымывались срубы. В это время на берегу бурили скважины, искали необнаруженные захоронения. Количество ям назвать не могу. Мыли круглосуточно. Теплоход почти весь ушел в берег (образовалась бухта).

Колпашевский горисполком оформлял аренду нашего теплохода. Запах был ужасный, не пожелаешь врагу. Мы люди подневольные, делали что прикажут. Топлива сожгли 60 тонн. Полковник заметил, что у нас нет мяса. На следующий день мяса привезли, и кушали мы весь период работы очень хорошо. Закончили дело и пошли в Томск на ремонт. Из-за работы на песке подносились втулки валов. Отремонтировали нас очень быстро, за 2 суток.

В Томске меня повезли в КГБ на черной “Волге”. Страх был у меня. На Кирова завели в кабинет к полковнику, затем повели к комиссару. От имени Ю. В. Андропова вынесли благодарность и подарили приемник “Томь”, сказав, что фирма у них небогатая. Механику — часы, штурману — часы, мотористам — приемник “Альпинист”, женщинам — по 20 рублей. Советовали поменьше распространяться, но народ-то видел. Полковник говорил, когда мыли, что это рецидивисты и дезертиры. Дату назвал — 1943 год. Полковник сказал, что документов не сохранилось, все были на фронте, поэтому расстреливали на территории НКВД.

Все, что выпадало из берега, размывалось винтами. Все изрезалось винтами теплохода. Когда вода спала, появились кости. Спустя несколько недель засыпали эти участки гравием.

Раньше я не рассказывал об этом, боялся последствий. Ведь это КГБ!”

2. Вальтер Эрнст Альбертович, зам. начальника Колпашевского ГОВД.

“...Я выехал на место и установил, что это останки трупов, толщиной 5–8 см с признаками истления одежды, не цельные трупы... Из разговоров сотрудников выяснилось, что в данном месте в весеннее время почти каж-

дый год вымывает останки трупов и что здесь захоронены дезертиры и преступники...

По-моему, через день меня вызвали к Шутову, там был Копейко, мне было дано указание выставить посты для охраны общественного порядка в месте обнаружения трупов. Копейко требовал 4–5 человек, я людей выделил... Задание — топить трупы.

...Бензином их снабжали представители КГБ. Размывали несколько дней, и все это время мы вели круглосуточное дежурство на берегу. На реке люди работали дней 10–15. Потом, с согласия КГБ, я оставил им только ул. инспектора Попова (Панова?), который работал с ними около 2 месяцев.

...До глубокой осени мы выезжали на трупы якобы утопленников, но обнаруживали, что это из яра. Признаки: плоский труп, пулевое отверстие в затылке и следы давности не одного десятка лет. На месте обнаружения закапывали”.

3. Чепуров Степан Флегонтович, пенсионер, г. Колпашево, в 1979 г. работал инспектором уголовного розыска.

“...До 3 мая уже было оцеплено. Нач. ГОВД Лепешкиным была проведена беседа. Нам было предложено не распространяться по этому вопросу. В отношении трупов было принято решение: топить трупы в реке. Перезахоранивать трупы не стали, так как боялись, что на них снова могли наткнуться. В принятии решения топить трупы принимал участие генерал-майор КГБ, фамилии не знаю, который приехал специально из Москвы. Из-под яра трупы вымывали по ночам, затем привязывали к ним груз и топили в реке. Однако не все трупы тонули, и они плыли по реке. У всех трупов в затылочной части отверстия, похожие на пулевые, но не малокалиберные... Трупы были темные, как копченые. Было принято решение пойманные трупы хоронить без проверки... Были задействованы работники милиции из Томска... Колпашевская милиция участия в вымывании трупов не принимала.

Трупы вымывали из брандспойтов с теплоходов... Нам объяснили, что это были трупы репрессированных в 37 году врагов народа, которые были приговорены к расстрелу. Сам я находил трупов 7 как по реке Оби, так и по притокам. Вернее, не я сам, а люди находили трупы, сообщали в милицию, и раз я работал по розыску, то мне приходилось выезжать на место обнаружения трупов. Все трупы были внешне похожи: коричневые, плоские, с отверстиями в затылочной части. Из всех обнаруженных — одна была женщина. Трупы были обнаружены в местах захоронения. Никаких проверок не проводилось. Я действовал согласно принятому решению руководства. Мест захоронения не помню, прошло 10 лет, но когда я возвратился в отдел, работники КГБ спрашивали у меня, где я захоронил обнаруженные трупы. Для чего спрашивали, не знаю”.

4. Колесников Владимир Александрович, 1949 г.р., житель Колпашева, на его глазах и произошел обвал берега весной 1979 г., когда открылась первая из могил, где в основном были уже истлевшие останки.

в Томский речпорт, то понял, что начальник его Драчев и его заместитель получили указание о выделении теплохода.

Теплоход шел с грузом в Каргасок. Полагали остановиться в Колпашево на несколько часов для подмыва берега по месту обнаружения захоронения. Я вылетел в Колпашево и определил место стоянки теплохода у берега. Было сильное течение, и теплоход сносило от берега. Мы договорились о другом теплоходе, который на тросе удерживал работавший теплоход (носовая часть). Я находился на теплоходе. На берегу не было следов захоронения. Теплоход создаваемой винтами струей воды подмывал берег. Следов захоронения не было, потому капитан теплохода Черепанов отказывался продолжать работу. Из-за этого я, наверно, вылетал в Томск, где узнал, что захоронение обнажилось. Я возвратился в Колпашево, был на теплоходе, но не видел захоронения. Со слов работающих на теплоходе узнал, что при подмыве берега были обнаружены кости, трупы.

Для определения, нет ли других захоронений, на берегу проводилось бурение.

С 1967 по 1971 г. я работал нач.отд. КГБ в Колпашево”.

9. Бортников Александр Иванович, с 1962 по 1968 г. — 1-й секретарь горкома в Колпашево, с 1968 по 1988 г. — секретарь обкома КПСС.

“1 мая 1979 года я был на демонстрации, стоял на трибуне. Мне передали, что меня просил зайти к себе Лигачев. Лигачев отправил меня вместе с Ивановым в Колпашево. Он сказал, что в Колпашево вскрылись захоронения дезертиров, расстрелянных в 40-х гг. Никуда не вмешиваться, все решает КГБ.

2 мая я вылетел с Ивановым. Встретился с Шутовым, первым секретарем. Территория была огорожена. Иванов нашел план тюрьмы, но захоронения не обозначены. Геологи бурили и оконтуривали. Размеры захоронений 3х4 метра, может, больше, захоронения многослойные, в белом белье, пересыпаны известью.

Размывали 3 ночи, днем отдыхали. Трупы не перезахоранивали, а торопились с грузом. Как я понял, у них была такая команда из центра. В Колпашево использовали этот опыт, уже накопленный в других местах. Из Колпашева я не информировал Лигачева, это делал Иванов. Я вернулся в Томск 5 мая, устно рассказал Лигачеву. Он был в курсе всех событий. Я не знаю, зачем я ездил в Колпашево. Я понял, что это было сделано Лигачевым по просьбе Иванова. Мне сказали, что там дезертиры. Так и в Колпашево всем сказали. Лигачев сказал, что Иванов доложил ЦК и Андропову”.

10. ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

от 27 ноября 1990 года. Ленинград.

Следователь прокуратуры г. Ленинграда по особо важным делам младший советник юстиции Бобровская М.Ф. в помещении Прокуратуры

“...Вода подмывала яр снизу, берег осел метра на три, получился уступ. Как выглядела сама могила? Сверху метр земли, а дальше шли трупы в куче — шириной метров пять. Глубину не понять, может, куда еще ниже было, ниже уступа... Был слой как бы известки, слой трупов, снова слой извести... Мы сами разбирали их и вытаскивали. Интересно же было — откуда это люди-то. Черепа рассматривали, в черепах дырочки были сзади, во всех черепах без исключения... Один труп мы вытащили. Кожа на нем сохранилась и чирки, сапоги. Еще пытались вытащить ногу оттуда... Запаха не было никакого. Они были как бы сплюснены, толщина грудной клетки сантиметров десять, а черепа все целы были... Мы же не знали, откуда эти дырки. Один из черепов разобрали, а там две пульки, сплюсненные, как в мелкокалиберной винтовке. Сукровица там еще была в мозгу...” (видеозапись)

5. Макоед Лилия Андреевна, колпашевка, проживает рядом с обнаруженным захоронением по ул. Дзержинского, 17 (когда-то в этом доме жили сотрудники НКВД).

“...Я поглядела в окно, что-то люди столпились около яра, я тогда вышла, а там внизу был Колесников Володя. Он около яра собирал пульки, тут же стоял его отец. Володя поднялся и говорит: “Ты посмотри, папа, люди были стреляны в затылок”. Даже в маленьких головках тоже были пульки. Он набрал пулек и показывает в ладошке... Были маленькие, детские головки и валеночки небольшие — ребенку, может, три-четыре года...” (видеозапись)

6. Чернов Алексей, также живет по соседству с захоронением.

“...Я позвонил в милицию, но в первый раз не приехали. Не поверили, что ли? Приехали на следующий день, когда я позвонил во второй раз...” (видеозапись)

7. Колесников В.А. “Три дня этой ямой никто не интересовался. Там весь город побывал. Представляешь, такое увидеть... Уже на следующий день, как обвалилось, “Голос Америки” сообщил, что в городе Колпашеве — так сказали — обнаружено захоронение жертв репрессий, а здесь еще три дня — хоть бы что... Когда мы труп достали, там один был с фотоаппаратом, он фотографировал”. (видеозапись)

8. Петроченко Николай Иванович, 1933 г.р., пенсионер.

“В 1979 году я работал нач. отдела УКГБ по Томской области. Я присутствовал при разговорах Иванова К.И. и прокурора Князева А.И. и понял: эти вопросы оговорены в ОК КПСС.

Захоронение путем раскопа сверху убирать было невозможно, т.к. берег был высокий, крутой (около 90°) и работать на берегу сверху было опасно. Другим вариантом было то, что раскоп производить с берега у воды.

Остановились на третьем варианте — подмывать берег со стороны реки. Мне и было дано задание организовать эту работу. Когда я приехал

Ленинграда, ул. Якубовича, д. 4, с соблюдением требований статей <...> допросила в качестве свидетеля Иванова К. М.

О себе сообщаю следующее:

Фамилия, имя, отчество: Иванов Ким Михайлович.

Год рождения: 04.01.1931.

Место рождения: Ленинград.

Принадлежность к КПСС, ВЛКСМ: член КПСС с 1951 года.

Национальность: русский.

Родной язык: русский.

Образование, специальность: высшее юридическое.

Место работы, должность: управление по обслуживанию иностранных представительств, аккредитованных в Ленинграде, начальник.

Судимость: не судим.

Допрос начат в 16.00, закончен в 18.40.

На заданные мне вопросы могу сообщить, что сведения, о которых пойдет речь, на мой взгляд, не являются государственной, служебной или партийной тайной. По существу дела мне известно следующее:

В период с мая 1970 года по январь 1986 года я работал начальником Управления КГБ СССР по Томской области. В 1979 году после Первомайской демонстрации мне позвонил начальник городского отдела КГБ г. Колпашево тов. Копейко В.Н. и сообщил, что на правом берегу реки Оби, в черте города, произошло обрушение берега вследствие подмыва его рекой и обнажилось какое-то захоронение. Получив такое сообщение, я немедленно дал указание своему заместителю тов. Татаркину Н.А. выехать на место и там совместно с городским отделом КГБ и милицией разобраться в случившемся. Одновременно я поставил в известность прокурора Томска тов. Князева А.И., начальника отдела КГБ СССР генерал-майора Фокина А.И., второго секретаря обкома КПСС Томска Мельникова А.Г. Указанный случай был предметом рассмотрения целого ряда организаций. Ни лично я, ни какие-либо другие работники КГБ единолично никаких решений не принимали.

Следует отметить, что когда произошло обрушение берега и обнажилось захоронение, то высказаться сразу и определенно о том, что представляет собой обнаруженное захоронение, никто не мог. Было две версии. Во-первых, версия о том, что захоронение относится к периоду 1937 года, так как ранее на этом месте находилось здание НКВД, и захоронение было практически под его фундаментом. Второй версией было предположение, что захоронение относится к периоду войны 1941-1945 годов, так как было известно, что в этих местах скрывались и были обнаружены группы дезертиров. Эти версии проверялись. В частности, нами было запрошено Управление КГБ по Новосибирской области, так как до 1944 года Колпашево входило в Новосибирскую область. Запрос я делал телефонный и получил ответ, что у них никаких данных об этом захоронении нет. У нас были сведения, правда, неточные, что на этом месте базировалась контрразведка Колчака.

Нами с помощью судебно-медицинской службы было выяснено, что трупы из захоронения могут относиться к концу 30-х — началу 40-х годов. Здесь еще следует учесть, что поначалу нами совершенно не представлялись масштабы обнаруженного захоронения, ведь на обрушившемся склоне просматривались трупы в количестве примерно с десятков. Еще хочу отметить, что никем не скрывалось обнаруженное захоронение, да и скрыть его было просто невозможно. Городок Колпашево небольшой, захоронение в черте города просматривается с реки, по которой проходили теплоходы с пассажирами.

С 10 мая 1979 года к выяснению обстоятельств и принятию мер я подключился более активно. Мне позвонил заместитель начальника 5-го отдела Управления КГБ СССР по Томской области подполковник Давыдов Д. П. и сказал, что, на его взгляд, единственный выход из создавшегося положения — подмыть берег и, спровоцировав обрушение большой массы земли, утопить ею трупы в воде. Это было его предложение.

Вопрос, повторяю, решался и другими организациями. Вот, например, я прочитал в газете “Известия” от 23 ноября 1990 года в заметке “Не вскрыть, а скрыть” о том, что тогдашний первый секретарь Колпашевского горкома партии В. Шутов якобы не имел особого отношения к данному случаю. Это неправда. Данная ситуация обсуждалась на собрании партактива. Все были в курсе событий. По-моему, 18 мая 1979 года приступила к работе команда теплохода, в задачу которой входила размывка берега работой винтов. Работа теплохода, я полагаю, оплачивалась из городского бюджета. Органы КГБ никакого отношения к непосредственной организации работы теплохода не имели, хотя, конечно, на теплоходе присутствовал полковник КГБ Петроченко Н.И., который наблюдал за работой. Следует отметить, что основная масса трупов, как и предполагалось, оказалась завалена землей при обрушении. Но часть трупов поплыла по реке. На этот случай группы, состоящие из работников милиции и КГБ, дежурили на реке. Трупы прибывали к берегу и захоранивали. С помощью грузов трупы в реке не топили.

1. Кем и почему было решено уничтожить это захоронение?

Ответ: Решение принималось совместно как городскими властями, так и партийными органами, КГБ и милицией, а также органами прокуратуры. Единолично никаких распоряжений никто не давал. Иначе по вышеизложенным причинам произвести это было невозможно именно из-за необычности места захоронения: высокий крутой яр, который каждую минуту мог вновь обрушиться.

2. Кого из работников ЦК КПСС и КГБ ставили в известность об обнаружении захоронения?

Ответ: Никого из работников ЦК КПСС я в известность об этом захоронении не ставил.

3. Кто из руководящих работников КГБ приезжал из Москвы и для какой цели?

Ответ: Из Москвы прилетел генерал-майор КГБ СССР Фокин А. И. Целью его присутствия на месте событий было стремление разобраться в

ситуации, проконтролировать, действительно ли принятое решение единственно возможное.

4. Почему за проделанную работу выдавались премии и ценные подарки и от имени Андропова Ю. В. выносилась благодарность?

Ответ: Могу сказать, что никаких благодарностей от имени Андропова никому не выносилось. Что же касается премий и ценных подарков, то приказом за моей подписью был материально поощрен коллектив теплохода, а капитан теплохода поощрен ценным подарком — магнитолой. Я принял такое решение, потому что команда теплохода выполняла морально тяжелую работу, приложила все силы для скорейшего ее выполнения.

5. Какова роль Лигачева Е. К. в уничтожении захоронения?

Ответ: Лигачев к данной ситуации не имел никакого отношения, да и не мог иметь, так как в мае 1979 года находился в отпуске. Он в тот период времени являлся первым секретарем Томского обкома КПСС. По вышеуказанной причине (нахождение в отпуске) я не ставил его в известность о случившемся. Сообщил второму секретарю тов. Мельникову. На место событий выезжал и секретарь Томского обкома партии тов. Бортников. В вышеупомянутой заметке газеты "Известия" указано, что на место событий приезжал заведующий орготделом Томского обкома КПСС Володин Е. А. Но я этого просто не помню. Возможно, он и был на месте.

6. Для какой цели вместе с вами на место в город Колпашево выезжал секретарь обкома партии Бортников А. И.?

Ответ: Бортников выезжал для партийной поддержки в принятии решений по данному вопросу, так как, повторяю, ситуация обсуждалась коллегиально. На дополнительно поставленные вопросы я сообщаю, что ни Сулова, ни Андропова я об обнаруженном захоронении и решениях по этому вопросу, о премиях и ценных подарках в известность не ставил. Лигачева также по всем перечисленным моментам в известность не ставил. Извещал ли Лигачев Сулова или Андропова, я не знаю.

Прочитав свои показания, я прошу дополнить, что обнаруженное в результате обрушения берега Оби захоронение могло быть как захоронением трупов 1937 года, так и захоронением времен войны. Могло быть и тем и другим. Кстати говоря, я до сих пор не знаю, какие именно группы людей, к какому периоду относящиеся, там были захоронены.

Прошу дополнить и внести следующие исправления в текст. Когда тов. Давыдов позвонил мне и сказал, что, по его мнению и мнению речников, которые также привлекались для решения проблемы, единственным выходом будет подмыть и обрушить берег, он находился в этот момент прямо на месте событий, то есть в Колпашеве.

Теплоход работал всего семь дней, то есть мы предполагали, что подмыв и обрушение берега винтами теплохода будет разовой акцией, делом буквально одного дня. Но теплоходу пришлось работать три-четыре дня, а затем еще три дня для страховки тщательности проведения работ.

С моих слов записано верно и мною прочитано.
27 ноября 1990 года.

11. ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

от 19 ноября 1990 года. Москва.

Следователь по особо важным делам прокуратуры г. Москвы старший советник юстиции Шпеер А. Л. в Мосгорпрокуратуре допросил в качестве свидетеля Лигачева Е. К.

Фамилия, имя, отчество: Лигачев Егор Кузьмич.

Месяц, год рождения: 29 ноября 1920 года.

Гражданство: СССР.

Национальность: русский.

Родной язык: русский.

Место рождения: Новосибирская область, Чулымский район, дер. Дубинкино.

Семейное положение: женат.

Место работы: пенсионер.

Домашний адрес: Москва, ул. Косыгина, дом 10, кв. 5.

Награды: ордена и медали СССР.

Судимость: не судим.

По существу дела показываю следующее:

Первое сообщение об обнаружении захоронения на берегу реки Оби в городе Колпашеве Томской области я получил в начале мая 1979 года от начальника Управления КГБ по Томской области Иванова К. М. Он сказал, что в связи с бурным паводком в Колпашеве стал обваливаться берег и (обнаружились) останки погибших, о чем он проинформировал КГБ в Москве. Я спросил, известно ли, что это за захоронение. Иванов ответил, что никто ничего не знает, хотя очевидно, что речь идет не об обычном захоронении.

Точнее, я сказал бы так: когда Иванов мне докладывал о случившемся, еще не было подробностей, которые могли бы свидетельствовать с несомненностью о том, что это захоронение людей репрессированных. Уже впоследствии, после завершения операции по ликвидации этого захоронения, Иванов говорил (мне), что, судя по всему, там были захоронены люди, репрессированные в период гражданской войны, а также в период 37-х годов. Однако, по словам Иванова, никаких документальных свидетельств на этот счет обнаружить не удалось. И кто и при каких обстоятельствах был захоронен в Колпашеве, так и осталось неизвестно. Но возвращаюсь назад.

После первого (же) сообщения я тут же позвонил в ЦК товарищу Суслову с тем, чтобы сообщить о случившемся. У меня все-таки после первой же информации Иванова сложилось ощущение, что это не рядовой случай. Суслов сказал мне, что ему уже звонили из КГБ и партийным комитетам вмешиваться в это дело не следует. Пусть всем этим за-

нимается КГБ. В тот же день состоялся мой разговор с председателем КГБ Ю. В. Андроповым. То ли я ему позвонил, то ли он мне. Андропов сказал мне, что действительно этой проблемой будет заниматься Центр и местные органы КГБ.

Хочу отметить, что ни обком КПСС, ни колпашевские партийные органы никакого участия в мероприятиях по ликвидации захоронения не принимали. По завершении этой “операции” Иванов доложил мне о ее итогах, и больше к этому вопросу я не возвращался. Характерно, что никаких заявлений или жалоб в связи с этим событием, во всяком случае в обком партии, не поступало.

Отвечая на конкретные вопросы, могу сказать следующее: никаких решений о ликвидации захоронения я не принимал, а как уже сказал, этим занимались органы КГБ в Москве и на месте. Как все это происходило, я не знаю. Не знал я и как технически осуществлялось уничтожение захоронения. Я узнал об этом только много лет спустя из газетных публикаций. Бортникова или кого бы то ни было из работников аппарата обкома я не направлял в Колпашево в связи с обнаружением захоронения. В частности, с Бортниковым я даже не разговаривал (об) этой проблеме.

Снова возвращаясь к своим разговорам с Ивановым. Он настойчиво повторял, что разобраться с этим захоронением надлежит им, а партийным органам не следует в это вмешиваться. Он даже несколько раз повторял это: не нужно партийным органам заниматься этой проблемой. На вопрос, почему не было произведено перезахоронение трупов, могу ответить так: в то время в стране был период свертывания реабилитационного процесса и не могло быть даже речи о предании гласности случившемуся. По сложившемуся тогда порядку такие мероприятия старались осуществить без привлечения общественного внимания и, соответственно, и мне не приходило в голову как-то изменить установившийся порядок. Я также считал, что партийным органам не следует в это вмешиваться и, как само собой разумеющееся, полагал, что это дело КГБ.

Теперь по прошествии лет и таком резком изменении нашего общественного сознания, когда многие вещи, проблемы стали пониматься совершенно по-другому, конечно же никто так не поступил бы с захоронением. Конечно же обнаруженный могильник надо было аккуратно разобрать и перезахоронить останки погибших вне зависимости даже от того, кто там похоронен, не говоря уже о том, что там, как стало теперь известно, захоронены жертвы репрессий тридцатых и последующих годов. Теперь о случившемся можно только сожалеть, изменить что-то, к сожалению, сейчас уже нельзя.

Записано верно, мною прочитано.

Лигачев.

(из материалов уголовного дела №49, т.2, листы 123-124)

12. Меринов Борис Ефимович, 1914 г.р. Колпашево, был старшим оперативником в Колпашево с 22 ноября 1937 г. по август 1942 года.

“...Здание КПЗ состояло из 6 камер. Новосибирск утверждал, кого стрелять... Потом из тюрьмы приводили и стреляли в НКВД... Наш бывший сотрудник Кох Николай Иванович, нач. отдела А, сам принимал участие в расстрелах. Утвержд., что расстреливали из мелкокалиберного оружия.

При мне приводили этапы по 40–50 человек из других мест, обратно никого не уводили. Хоронили расстрелянных во дворе КПЗ... 3 ямы. В конце хоронили там, где расстреливали, в камере. Из 13 северных районов находились... здесь бывшие семеновцы, участники чаинского, сургутского восстания. Из работников парт. сов. аппарата никто не был арестован...

Фамилии оперативных работников: Острavianчик, Терентьев — зам. нач. НКВД, Карпов Сафрон Петрович, нач. СО, Мелкозеров, Капарулин, Демкин, Шипулин Павел, Гришин (на Украине живет).

В 1965 г. ко мне обращались из КГБ показать места захоронений на территории КПЗ, что я и сделал. Они говорили, что для эксгумации трупов. Я не присутствовал, но загородили все забором, и там работал экскаватор.

...Я исключаю, что в найденном захоронении были расстреляны дезертиры Великой Отечественной войны и лица, уклоняющиеся от службы в армии. Их арестовывали в районах и отправляли этапом в Томск”.

13. Агафья Михайловна Горовцова-Горновская рассказывает:

“Мой отец, Горновский Михаил Семенович, со своей семьей жил в д. Горельши Витебского округа. До Октябрьской революции мы имели 5 десятин земли. Жили очень бедно в малюсенькой хатке, где я и родилась. При разделе помещичьей земли получили хутор в 22 десятины, из них 14 — удобных для пахоты и сенокоса, остальные — болото и кустарники.

В первый год после революции отца избрали комиссаром милиции. Прослужил он года полтора и попросил освободить его, так как большая крестьянская семья и семейные дела требовали находиться дома (а служил он за 18 км в районе).

После переезда в д. Лучеса, где находился наш хутор, построили небольшую хату с двумя маленькими окнами. А до постройки пришлось пожить в овине, где сушили хлеба, где печь была без трубы (курная). Кровати в хате некуда было поставить, а были сделаны полаты вдоль всей стены, и все мы там спали. Летом взрослые ночевали на сеновале, а зимой приносили куль соломы, стелили его на полу, покрывали его постилушкой, вот и была постель.

Время шло, дети подрастали, учились, а летом все работали в поле и дома. Посадили сад, начали строить пятистенный дом. Но так как средств не хватало, строительство затянулось, и пришлось к дому пристроить маленькую кухню, где стала жить половина семьи.

За три зимы я закончила начальную школу в 27-м году. Очень хотела учиться в пятом классе. Но меня не приняли, т.к. наше хозяйство к тому времени стали считать кулацким. Мы имели тогда 3 лошадей, 5 коров, овец и другую живность, как в любом крестьянском хозяйстве. Наемной силой мы не пользовались. Из семи братьев 6 человек были взрослые. Из

сестер двое, в том числе и я, с семи лет работали: пасли скот, доили коров, пряли лен. (Все белье шили из своей тканой материи.) В полную силу трудились и отец с матерью.

Семья наша была абсолютно непьющей. Жить мы стали лучше, но не сказать, что хорошо. Яйца и масло приходилось возить в Витебск на базар, т.к. деньги нужны были для хозяйства и для достройки дома. И нам, детям, мало что доставалось, кроме мяса.

Пришел 29-й год. В нашей местности началась попытка организации колхозов, и на общем собрании крестьяне нашей деревни Лучеса предложили отцу первому записаться в колхоз, показав пример другим. Отец был хорошо грамотный по тому времени и имел авторитет во всей нашей бывшей волости. Он отказался записываться. Вот с этого времени и началась завязка трагедии нашей семьи. Через несколько дней отца арестовало Витебское ГПУ, предъявив ему обвинение в срыве организации колхоза. Продержали его в тюрьме около двух месяцев. А вскоре приехали из ГПУ, переписали всех, за исключением 3 братьев: Трофима, учителя местной школы (после гражданской войны он окончил рабфак и курсы учителей), Тимофея, служившего в Красной Армии, и Антона, работавшего геодезистом на строительстве БелГРЭСа.

Предъявили отцу постановление Витебского ГПУ, что он со своей взрослой семьей высылается в Сибирь сроком на 3 года. Срок на сборы дали 7 дней. Это было в августе, как раз кончалась уборка хлебов. Надо отметить, что обошлись тогда с нами, если можно так сказать, по-человечески, никаких издевательств не допустили, ничего не отняли. Разрешили, если успеем, все убрать, обмолотить, ликвидировать скот. Правда, зерно заставили сдать по твердым ценам, как тогда говорили. Вся округа откликнулась на нашу беду. Помогли убрать, обмолотить.

Отправили нас без конвоя до ст. Богушевская, а оттуда пассажирским поездом до Новосибирска. Новосибирское ГПУ направило нас на поселение в Колпашевский р-н ныне Томской области. А из Томска дали определенную путевку в дер. Даниловка Колпашевского р-на. Ныне этой деревни нет.

По приезде наша семья очень бедствовала. Ссылным разрешалось работать только в лесу. Меня взяли одни хозяева в няньки за 3 руб. в месяц. И нас, несовершеннолетних, решили отправить обратно в Белоруссию к брату Трофиму, которому мы оставили 2-х коров и лошадь, а также зерно. Он к тому времени вступил в колхоз уже в той деревне, где мы жили до революции.

Брат работал учителем от колхоза. Стала работать в колхозе и я. Разносила почту, жала хлеба (тогда все еще делалось вручную), убирала сено.

Отец же и братья рассчитывали после отбытия срока ссылки вернуться на родную землю, где мы уже находились. Когда кончился срок, отцу и остальным высланным членам семьи выдали документы об отбытии срока ссылки по ст. 58 п.10. Собрались они возвращаться, но, как потом говорил отец, в то время и в ГПУ были добрые люди и посоветовали отцу не

возвращаться. Сказали: “Куда вы собрались ехать, там вас через год-два снова вышлют куда-нибудь в Заполярье, где вы и погибнете. Теперь вы вольные, прижились здесь и живите”. Так они и решили остаться. Написали брату Трофиму, чтобы он привез нас в Сибирь, и в 33 году мы снова очутились здесь.

Брата Трофима мы видели в последний раз. После того как он привез нас, уехал в Мурманск (не знаю, почему именно туда), т.к. на родине начальство районное стало относиться к нему с подозрением как к сыну ссыльного.

Вскоре к нам приехал брат Тимофей, демобилизованный из армии досрочно. Все к этому времени с работой устроились. Авраам работал в Чалковском леспромхозе Чаинского района ст. бухгалтером, был женат уже. Георгий — в Колпашевском райпотребсоюзе тоже гл. бухгалтером, был женат, имел двоих детей. Тимофей был инспектором Нарымского окрсобеса в г. Колпашеве. У меня тоже была уже своя семья. Родители жили с братьями. Младшая сестра Лида училась в Колпашевском пединституте. Все были устроены и жили в меру своих возможностей и уже не жалели, что мы очутились в Сибири. Отцу нравились сибирские просторы, чего не было на родине, хотя каждую ночь снились родные места.

Наступил страшный 37-й год. Страшная участь постигла нас, Горновских:

1. В Карелии был арестован Трофим. Не узнано до сих пор, суд или тройка вершили дело, но узнала, что он был в лагерях и, видимо, погиб там.

2. В Белоруссии в Быховском районе в райисполкоме техникосмотрителем работал Антон. Арестован в XI-37 г. и постановлением тройки НКВД БССР по делу (как указано в справке об освобождении) “осужден” на 10 лет лагерей. Пройдя все круги лагерного ада, на диво выжил и после 10 лет освобожден с ограничением мест жительства по каким-то статьям. Он так и остался в Горьковской области (место лагерей) и работал до пенсии. Ныне 85-летний одинокий пенсионер, живет в г.Могилеве.

3. Авраама 18.XII.37 г. арестовало Колпашевское НКВД. Постановлением комиссии от 19.1.38 г., обвиненный по ст.58 пп. 2, 6, 8, 11, он был приговорен к расстрелу и расстрелян 23.2.38 г.

Военным трибуналом Сибирского военного округа 22.X.57 г. дело было пересмотрено, отменено производством и прекращено за отсутствием состава преступления. Он реабилитирован посмертно (из справки ВТ СибВО от 28.3.58 г.). Ему было 35 лет.

4. 27.I.38 г. арестовали Георгия. Он в последнее время был переведен на работу в НКВД ст. бухгалтером. Постановлением комиссии НКВД от 21.2.38 г. по ст. 58 пп. 2,6,8,11 он приговорен к расстрелу. Его расстреляли 1.4.38 г. Он также реабилитирован посмертно. Ему было 27 лет. (Справка ВТ СибВО от 28.3.58 г. № 1222157.)

5. 16.2.38 г. арестовали Тимофея. Ночью подъехал “черный ворон”, и увезли. Когда были уже арестованы два брата, Тимофей ждал, что ему тоже этой участи не миновать, зная лозунги того времени “выкорчевывать с корнем”. А это пережила мама, она жила с ним.

Постановлением комиссии НКВД и прокуратуры СССР от 21.4.38 г. обвиняемый по ст.58 пп.2,6,11, он приговорен к расстрелу и расстрелян 12.5.38 г. Ему было 32 года. Военным трибуналом Одесского округа дело пересмотрено и прекращено производством за отсутствием состава преступления. Он полностью реабилитирован, тоже посмертно. (Справка ВТ ОдесВО от 25.9.57 г. № 678/н. Дело пересмотрено ВТ ОВО 20.9.57 г.

Брат Антон тоже реабилитирован Могилевским облсудом — постановлением от 5.8.64 г. № 44-4-07.

В 37–38 годах начальником НКВД в Колпашеве работал Мартон, которого впоследствии тоже “изъяли”. А прежде чем арестовать Тимофея, который работал инспектором горсобеса, арестовали его начальника по фамилии Ермолович. О нем ничего неизвестно.

После реабилитации братьев наша мать-старушка, оставшаяся одна, начала ходатайствовать о назначении ей пенсии за невинно казненных сыновей. (Было по этому поводу постановление правительства в 57 году). В собесе для назначения пенсии потребовали свидетельство о смерти. После целого ряда ходатайств перед прокуратурой Томской области Колпашевский горЗАГС выдал матери справки за № I-ЭК 009412 и 009413, что Авраам умер 23.2.44 г. в возрасте 41 г. от гнойного плеврита; Георгий — 1.4.44 г. в возрасте 42 лет, Тимофей — 12.5.42 г. от менингита. Какая издевательская ложь! И эти справки со справками о реабилитации, одна другую исключают, вполне удовлетворили чинуш из собеса, и матери оформили пенсию за казненных сыновей, целых 18 рублей. А ведь это было уже после XXII съезда КПСС. Кроме того, ей выплатили 600 рублей за Тимофея, с которым она жила. Можно представить, что творилось в ее душе при получении этих денег.

Откуда же мне стало известно о расстреле братьев? После освобождения из лагеря брата Антона он работал в Горьковской области, и ему показали его личное дело, где были вписаны все братья и дата их расстрела. Вот как четко работали органы НКВД...

Еще весной 79-го под яром дети находили черепа с дырками в затылке. А первого мая бурным разливом реки Оби начало сильно подмывать высокий берег, который со времени тридцатых годов смыло более чем на полкилометра. На этом берегу стояло зловещее здание НКВД с обнесенным забором двориком, а с парадного входа был посажен садик.

В 39–40-х годах я ходила на работу мимо этого дома и двух овощехранилищ, из которых видны были вентиляционные трубы. По предположению народа, эти овощехранилища были забиты мертвыми. Здание НКВД давно снесла природа и раскрыла неслыханные преступления наших органов НКВД. И так, люди шли с демонстрации и увидели жуткую картину. Жертвы плыли вниз по течению Оби. Весть быстро распространилась по городу. Сказали и мне.

Что я там увидела? Обвалившийся берег, кости, черепа. Хотя силами милиции трупы были присыпаны землей, в просветах были видны незакрытые длинные женские волосы, стоял смрадный запах.

Хотя милиция и отгоняла, некоторые люди пробирались дальше и, выходя говорили, что видели еще неразложившиеся трупы, одетые в длинные пальто, обутые в валенки, а также видели маленькие туфельки детей. А трупы продолжали плыть. Когда я пришла назавтра, это место было огорожено высоким забором.

Тут же были и знакомые руководители организаций, и один (Пугачев Алексей Семенович) рассказал мне: весь актив собирали в горкоме КПСС, где первый секретарь Шутов (имя, отчество не помню) выступил и сказал, что во избежание всяких кривотолков он решил поставить в известность население, что это не жертвы сталинизма 37-38 годов, а расстрелянные в военное время дезертиры. Вот так!

А. С. Пугачев говорил, что все сидели, опустив глаза: стыдно было за секретаря, знали, кто там похоронен. А когда кто-то задал Шутову вопрос, почему бы не похоронить тела, он ответил, что это трудно сделать, что берег крутой, а медицина дала разрешение вымыть в реку.

В это же время гулко работали моторы буксиров, вымывая жертвы. Женщины, кого это касалось, плакали и говорили между собой, что ведь могло же начальство решить похоронить в общей могиле, хоть бы поклониться было куда сходить.

А потом, по прошествии времени, люди говорили, что много трупов выбрасывало на берег, что они были неразложившиеся, и можно было опознать. Хотя бы по одежде. Видно, они были на большой глубине.

Об этом варварстве знает каждый в Колпашеве. А особенно, кто в это время работал в милиции. Один из них, Волков Петр, кому-то говорил о наличии таких захоронений в лесу.

Об этой ужасной истории я написала брату Антону в Могилев, но письмо мое не дошло до адресата. Нетрудно понять, почему. Старались власть имущие сохранить все в тайне!

Хочу еще описать, как обошлись местные власти с семьей моей сестры Евтушенко О. М.

Жили они в то время в дер. Чалково Колпашевского района. Не помню за что, но их обложили индивидуальным налогом. Всю сумму внести они были не в состоянии, и пришли к ним описывать имущество председатель сельсовета и член сельсовета — Майков Семен и Родиков Михаил. Описали все, что было в хозяйстве, в том числе и мясо, сало от забитой свиньи. Висел на стене сшитый из лоскутков коврик — сняли. А у сестры были надеты валенки, и она была с ребенком на руках и не могла подумать, что с ней так поступят. Один завалил ее и держал, а другой стаскивал валенки с ног. Ну пусть был закон описывать, взыскивать, но самое отвратительное то, что эти валенки носила жена председателя и коврик висел у них на стене, а жили ведь в одной деревне.

Хочется добавить.

Все мы, еще живые из нашей большой семьи — шесть человек в возрасте от 64 до 85 лет, живущие на пенсию, были придавлены морально. Отражалось это и на работе вплоть до увольнения как членов семьи вра-

гов народа. Только теперь, когда начался процесс обновления общества, когда открылась тайна великого кремлевского самодержца и его опричников, мы вздохнули полной грудью.

Посещая иногда свою родную Беларусь, где мы родились, росли, где каждый кустик мне был знаком (я пасла скот в течение шести лет), сжимается сердце от боли. Луга нашего хутора заросли кустарником, а на том месте, где стоял наш недостроенный дом, лежит только камень, который когда-то лежал у крыльца. Хоть то радует сердце, что наш отец увековечил свою память. Все наши односельчане-колхозники зовут наш хутор Горновским. Сеять ли, пахать ли, говорят: "На Горновском хуторе..."

Я, Горновская, ныне Горовцова Агафья Михайловна, родная сестра всех вышепоименованных братьев Горновских".

КАМЕННЫЙ МОСТ

Литературно-
художественный
альманах

Томск 2004

